

АРЛИН

МOTORС



Arleme Moto

Анастасия Степанова

Анастасия Степанова

Арлин Моторс

«Автор»

2026

Степанова А.

Арлин Моторс / А. Степанова — «Автор», 2026

Арлин Уэст — лучший механик, которого выжег автоспорт. Два года назад она похоронила отца и поклялась никогда не возвращаться на трек. Теперь у неё только старая мастерская «Арлин Моторс», двое верных друзей и долги, из которых, кажется, нет выхода. Берт Стейси — гонщик, переживший страшную аварию. Он возвращается в спорт, чтобы доказать всем — и себе самому, — что способен побеждать. Его машина капризничает, команда разваливается, а плечо после двух операций отказывается слушаться. Ему нужен кто-то, кто починит не только болид, но и его самого. Когда Берт переступает порог «Арлин Моторс», он ещё не знает, что эта женщина с руками в масле и взглядом, не прощающим слабости, — его последний шанс. А она ещё не знает, что согласие работать с ним вернёт её в мир, полный скорости, опасности и предательства. Потому что есть люди, которые не хотят, чтобы они победили. И они готовы на всё — от подкупа до саботажа, от грязных статей до ударов на трассе. Но Арлин Уэст не из тех, кто сдаётся.

© Степанова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Масло, железо и отчаяние	5
Взгляд сквозь забрало	9
Шампанское и похмелье	14
Первый день на работе	20
Ожившее железо	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Арлин Моторс

Масло, железо и отчаяние

Воздух в мастерской «Арлин Моторс» всегда пах одинаково: маслом, железом и отчаянием. Арлин привыкла к этому запаху за последние два года, как привыкают к горькому привкусу во рту, который уже не смыть. Она стояла под днищем старого «Мустанга», и единственным источником света в этом маленьком мире был дрожащий фонарь, примагниченный к лонжерону.

— Арлин, тут это... — голос Макса прозвучал виновато, как у пса, который разгрыз тапку. Она вылезла из-под машины, откинув со лба слипшиеся от пота темные волосы. Макс, здоровенный детина с вечно испачканными в смазке руками, протягивал ей белый конверт. Герб банка на уголке не оставлял иллюзий.

— Опять? — спросила она, вытирая ветошью длинные пальцы. — Мы же платили три недели назад.

Дейв, сидящий на старом кожаном кресле с оторванным подлокотником, тяжело вздохнул. Его протез, левая нога ниже колена, последствие старой уличной гонки, которую он проиграл, глухо стукнул об пол.

— С процентами они нас задуют, Арли. Мы тянем эту телегу, а колеса квадратные.

Арлин разорвала конверт. Сумма в нижнем углу аккуратного официального письма была подобна пощечине. Она окинула взглядом мастерскую: стены, помнящие руки ее отца, плакаты с гонщиками восьмидесятых, стеллажи с запчастями, которые никто не покупал. Большая конкуренция, автосервисы-монстры на каждом углу, а здесь — только душа, только опыт и только долги.

— Продадимся, и всё, — буркнул Макс, пряча глаза. — Сету Стивенсу. Он даст хорошую цену за землю.

— Стивенс эту землю бульдозером сровняет, — голос Арлин прозвучал тихо, но сталь в нем была тверже, чем в арматуре. — Я сказала «нет». Я выкручусь.

Она сказала это так же, как говорила себе в зеркало каждое утро. Выкручусь. Но в глубине души она знала: чуда не произойдет. Пока не произошло. Чудо въехало в ворота во вторник, в два часа дня, с урчанием низко посаженного двигателя, который стоил больше, чем всё их здание вместе взятое.

Арлин даже не обернулась сразу. Она настраивала карбюратор развалюхи клиента, когда услышала, как Макс поперхнулся кофе, а Дейв выронил гаечный ключ. Потом скрипнули дорогие кожаные ботинки по цементному полу.

— Мне нужна Арлин Уэст, — раздался спокойный, уверенный голос.

Она повернулась. Берт Стейси. Она узнала его сразу, хотя и не видела вживую никогда. Тот самый изгиб бровей, волевая линия челюсти, которую не скрыл даже шлем, и этот взгляд — взгляд человека, который привык побеждать, но который видел в зеркале заднего вида смерть. Его белый костюм сиял кристальной чистотой на фоне грязного пола, а часы на запястье стояли, наверное, их годового оборота.

— Я слушаю, — сказала Арлин, не протягивая руки. Она специально не стерла с ладони смазку.

Берт огляделся. Его лицо не дрогнуло — он был слишком хорошо воспитан, чтобы показать шок, но Арлин заметила, как едва заметно дрогнула его бровь. «Дыра» — пронеслось в её голове, он думал именно так.

— Мне порекомендовали вас. Сказали, что вы — лучший механик, которого выжгло из этого спорта, — он говорил прямо, без лести.

— Я возвращаюсь. Команда у меня, честно говоря... — он сделал паузу, — ...сырая. Моя машина капризничает. Мне нужен кто-то с головой. С вашим опытом.

Арлин почувствовала, как внутри что-то кольнуло. «Спорт». Гонки. Запах. Она подавила это чувство.

— Я больше не работаю на гонках, мистер Стейси. Это была семейная история. История закончилась.

— Я слышал о вашем отце, — мягко сказал Берг. — Мне жаль.

— Мне — тоже, — отрезала она. — Но спасибо за визит. Если нужен ремонт подвески — я здесь. А на трек я больше не вернусь.

Она развернулась к двигателю, давая понять, что аудиенция окончена. Макс и Дейв замерли за её спиной, молчаливые статуи. Берг постоял секунду, глядя на её прямую, напряжённую спину, потом достал из внутреннего кармана три белых прямоугольника.

— Вот. Ложа на трибуны. Ближайшие соревнования, «Силверстоун-парк», местное кольцо. — Он положил билеты на верстак рядом с гаечным ключом. — Просто посмотрите. Если после этого скажете «нет» — я исчезну. Обещаю.

Арлин не обернулась. Она услышала только шорох его дорогого костюма, звук шагов и, наконец, урчание двигателя, которое растворилось в городском шуме.

Билеты пролежали на верстаке три дня. Каждый вечер Арлин брала их, смотрела на яркую картинку и клала обратно. Она не хотела идти. Она боялась запаха. Боялась, что всё внутри снова перевернется, а собирать себя заново у нее нет ни сил, ни времени. — Арлин, — Дейв подошел к ней в субботу утром, опираясь на трость. Он редко смотрел на неё так — просяще.

— Что? — буркнула она, не поднимая глаз от бухгалтерской книги.

— Макс уже куртку надел. Билеты пропадают. И... — он замаялся. — Мы же знаем, что ты делаешь. Ты тут спасаешь наше старье, как Дон Кихот. Но, может, это знак? Может, этот парень в белом — наш ветер?

Она подняла голову. Макс стоял в дверях, переминаясь с ноги на ногу, сжимая в руках свой старый бинокль. На их лицах было столько надежды, что Арлин сдалась. Она молча стянула рабочую робу, набросила легкую кожаную куртку и сунула билеты в карман.

Стадион встретил её стеной звука. Она шла по бетонному коридору, и каждый шаг отдавался в груди глухим эхом. Когда они вышли на трибуны, мир вокруг замер. Запах — горячий, сладковатый запах перегретой резины, асфальта и высокооктанового топлива — ударил в голову, как наркотик. Крики толпы сливались в единый гул, динамики извергали голоса комментаторов. Арлин остановилась, как вкопанная.

Перед глазами всё поплыло. На секунду ей показалось, что сейчас обернется и увидит рядом отца, сжимающего секундомер и улыбающегося краем губ. Но рядом были только Макс и Дейв, которые молча заняли места, не мешая ей.

Она села. Гонка началась.

Арлин сразу же увидела его. Номер двадцать три. Машина шла тяжело, неуклюже, с надрывом. Даже с трибуны было слышно, как двигатель ревет не в своей стихии, как его заносит в поворотах. «Механики — друзья, которые подвели», — подумала она машинально, и её палец сам собой начал выписывать в воздухе поправки угла опережения зажигания. Идёт двадцатый круг. Толпа загудела.

— И номер двадцать три уже недосыгаем! — голос комментатора гремел над стадионом.

— Поговаривают, что это тот самый знаменитый гонщик! Вы только подумайте, после четырёх побед на кубках случилась та страшная авария...

— Да, Джеймс, я помню, было очень страшно смотреть это по телевизору... — вторила ему женщина-комментатор.

— Однако, Марлин, он наконец вернулся на дорогу! Чтобы совершить свою пятую победу!!!

Арлин сжала поручень. Она видела, как машина борется. Берт не просто ехал — он танцевал со смертью, выжимая из капризного, плохо настроенного зверя больше, чем тот мог дать. Её руки начали непроизвольно сжиматься в кулаки, повторяя движения переключения передач. Каждый его рывок, каждое скольжение на грани срыва отзывалось у неё в позвоночнике.

— И вот номер двадцать три пересекает финишную черту! За ним тринадцатый, а следом первый. Давайте же посмотрим на победителя!

Стадион взорвался. Арлин вскочила на ноги, даже не заметив, как. Её сердце колотилось где-то в горле.

К машине побежали репортеры, фотографы, механики. Берт Стейси нехотя выбрался из кокпита. Его движения были скованы усталостью и концентрацией. Он снял шлем, и камеры выхватили его лицо — мокрое от пота, сосредоточенное, но на губах застыла едва заметная, жёсткая улыбка.

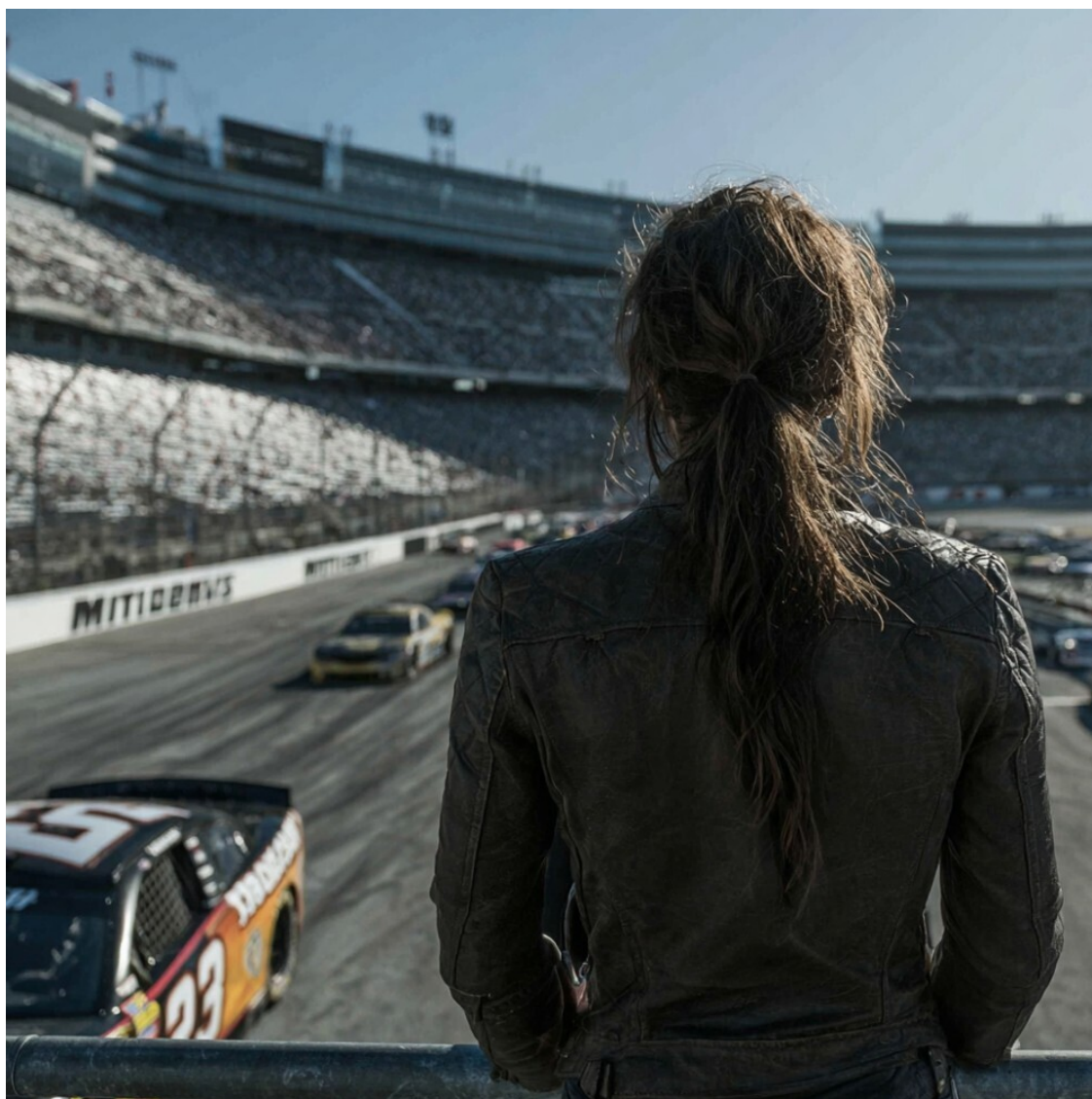
— Это Берт Стейси! Это и правда он! — голос комментатора дрожал от восторга. — Порадуемся за бывшего чемпиона, поднимающегося на вершину вновь!

Вокруг него суетились чужие люди, хлопали по плечам, лезли с микрофонами. Но Берт Стейси, прежде чем скрыться под напором прессы, поднял голову. Его взгляд скользнул по трибунам.

Арлин стояла, вцепившись в поручень. Она вдруг поняла, что он ищет её. Или надеется, что она здесь. В этот момент двигатели умолкли, и в наступившей тишине она услышала свой собственный голос, который прошептал:

— Если ты собрался выигрывать на таком дерьме, парень, тебе нужна я. Макс с Дейвом переглянулись. Они ничего не сказали. Они просто знали: она вернулась.

Она больше не выкручивалась. Она нашла свой ветер.



Взгляд сквозь забрало

Мир внутри шлема — это мир удушающей тесноты и абсолютного контроля. Берт Стейси давно научился не слышать рева двигателя как шума. Он слышал его как музыку. Как дыхание живого существа, которое сейчас задыхалось.

— Температура охлаждающей жидкости растёт, — голос инженера в наушнике звучал озабоченно. — Двадцать третий, береги резину на четвертом.

— Сам береги, — прорычал Берт сквозь зубы, выжимая сцепление на входе в поворот. — Машина плывет. Заднюю ось мне кто настраивал? Руки из одного места?

Он не ждал ответа. Он знал, что ответа не будет. Его «конюшня», которую он собрал в спешке за три месяца до возвращения, была сборищем энтузиастов без большого опыта работы на реальных кольцевых гонках. Они умели менять масло и подвешивать стритрейсерские «погремушки», но не понимали, как чувствовать асфальт.

Двадцатый круг. Он вел с отрывом в полторы секунды, но это была не его заслуга. Это была ярость. Ярость, помноженная на инстинкт.

Берт чувствовал машину каждым позвонком. Её капризы были для него прозрачны: на третьем повороте она переключалась слишком медленно, на прямой теряла пять километров в час из-за неправильных углов атаки антикрыла. Это был не болид. Это был капризный подросток, которого посадили за руль без прав.

«Отец Арлин справился бы за полдня, — мелькнула обжигающая мысль. — Она — тем более».

Он знал её историю. Дочь механика, который вырастил двух чемпионов, пока сам не сгорел в боксах после инфаркта. Она ушла из паддока в день похорон и больше не возвращалась. Три года молчания. Но молва в мире гонок — это сарафанное радио на стероидах. Ему сказали: «Если хочешь, чтобы машина летала, найди Арлин Уэст. Если сможешь её уговорить».

— Финишный круг, двадцать третий! — голос инженера вырвал его из размышлений.

Берт стиснул руль. Он видел клетчатый флаг раньше, чем его выкинули. Он пересек черту, и в этот момент двигатель чихнул. Один раз. Коротко. Как предупреждение.

Он выключил зажигание, когда машина уже катилась по кольцевой дорожке к боксам. Тишина после грохота ударила по ушам тяжелее, чем любая перегрузка.

— Пятая победа, Берт! — его гоночный инженер, прыцавый парень по имени Кевин, подбежал с планшетом, сияя. — Ты выдал фантастический темп!

— Машина разваливалась на части, Кевин, — Берт стянул шлем, чувствуя, как пот стекает по шее за ворот огнестойкого комбинезона. — Я не «выдал темп». Я молился, чтобы колёса не отвалились.

Он бросил шлем в протянутые руки механика и, не дожидаясь традиционных объятий команды, поднял голову.

Трибуны. Море лиц, солнце, бликующие на козырьках VIP-лож.

Он искал её. Ту, которая три дня назад даже не протянула ему руки. Ту, которая смотрела на него из-под днища старого «Мустанга» с усталостью человека, привыкшего драться в одиночку.

Он не был уверен, что она придет. Но когда взгляд наткнулся на знакомую фигуру в кожаной куртке, вцепившуюся в поручень, у Берта перехватило дыхание. Она стояла. Её губы шевелились. Она что-то говорила, смотря на него — нет, сквозь него — и её рука дернулась в жесте, который он знал лучше любого переключения передач.

Она настраивала машину. Прямо сейчас. На трибуне. Для него.

Улыбка тронула его губы. Он поймал её взгляд и коротко кивнул. Она не ответила. Но и не отвернулась.



VIP-ложе пахло дорогим парфюмом, шампанским и успехом. Берт ненавидел этот запах. Он прошел через толпу интервью, раздал дежурные улыбки спонсорам и, наконец, вырвался в полупустой коридор, ведущий к приватной зоне.

— Там какая-то женщина, — его секретарь, Элен, преградила ему путь с видом взволнованной наседки. — С двумя мужчинами. Охранник говорит, у них нет пропусков на уровень.

— Пропуски у них есть, — Берт даже не сбавил шага. — Я сам их принёс.

— Но они... — Элен замялась. — Она... она очень настойчиво объясняет охране, что её «дедушка строил этот стадион». Охранник уже побледнел.

Берт усмехнулся. Он свернул за угол и увидел эту сцену.

Арлин Уэст стояла перед двумя амбалами в черных костюмах с таким видом, будто это они пытались пройти без билета, а не она. Её кожаная куртка была расстегнута, под ней виднелась серая футболка с пятном масла на плече. Её темные волосы растрепались на трибуне, но она даже не пыталась их поправить.

Макс, здоровяк из мастерской, маячил за её спиной, грозно сложив руки на груди. Дейв, опираясь на трость, стоял чуть в стороне с выражением лица человека, который всю жизнь ждал, когда сможет сказать: «А я вам говорил».

— ...я не знаю, кто придумал ваши дурацкие правила, — чеканила Арлин, тыча пальцем в бейдж охранника. — Но если вы сейчас же не уберете свои руки с моего плеча, этот стадион действительно придется строить заново. Потому что я разберу его по кирпичику.

— Мэм, без аккредитации я не могу...

— Может, я объясню? — голос Берта прозвучал мягко, но с той ноткой, которая заставляла людей расступаться.

Охранники вытянулись. Арлин резко обернулась. На секунду в её глазах мелькнуло что-то, похожее на смущение, но она мгновенно задавила его, поджав губы.

— Ваши люди, — кивнула она в сторону охранников, — не умеют слушать слово «нет».

— Они просто делают свою работу, — Берт жестом отпустил охрану. — Арлин. Вы пришли.

— Я пришла посмотреть, как вы убиваете свою машину, — поправила она. — И себя заодно. Вы ехали так, будто хотите доказать, что смерти нет.

— А вы смотрели так, будто хотели вырвать у меня руль, — парировал он. Она промолчала. Но Макс за её спиной не выдержал:

— Она три круга рукой в воздухе коробку передач переключала. Я думал, у неё судорога.

— Макс, заткнись, — бросила Арлин, но уши её чуть заметно порозовели. Берт смотрел на них троих. На этого медведя Макса, на хромого Дейва с цепким взглядом, на неё — напряженную, злую, прекрасную в своей непримиримости. Они не были командой в обычном смысле. Они были семьей. Такой, о которой он сам давно перестал мечтать.

— Пойдёмте, — сказал он, разворачиваясь. — Я проведу вас в ложе. Там есть нормальный кофе. Не тот, который вы пьёте в своей мастерской.

— Наш кофе отличный, — буркнул Дейв.

— Я не сомневаюсь. Но там ещё и вид на боксы.

Это сработало. Арлин, которая уже открыла рот, чтобы отказаться, закрыла его. Вид на боксы. На машину. На то дерьмо, на котором он только что победил. Они пошли за ним. VIP-ложе встретило их стерильной белизной и холодом кондиционеров. Арлин остановилась на пороге, окинув взглядом хрустальные вазы, белые скатерти и официантов с подносами, это точно была западня.

— Я тут... не совсем одета, — процедила она сквозь зубы.

— Вы одеты идеально, — Берт взял со стола бокал с водой и протянул ей. — Для человека, который собирается спасти мою карьеру.

Она не взяла бокал.

— Я не говорила, что буду спасать вашу карьеру. Я пришла посмотреть. И сказала уже: я не возвращаюсь на трек.

— Ты уже вернулась, — тихо сказал Дейв. Она обернулась к нему, и старик, который редко перечил ей, вдруг уперся взглядом. — Мы видели, как ты стояла. Ты дышала в такт с его мотором. Не надо врать хотя бы себе. Макс кашлянул в кулак, делая вид, что изучает меню.

Арлин медленно выдохнула. Взяла бокал. Сделала глоток. Вода была ледяной, с мятой — такой, какую она никогда не позволила бы себе в мастерской.

— Ваша задняя ось, — сказала она, глядя в окно на боксы, где механики в форме возились с машиной под номером двадцать три. — Она настроена для сухого асфальта на идеальном покрытии. А ваше кольцо старое, с микроповреждениями. На третьем повороте у вас срыв сцепления на выходе. Вы компенсируете это рулем, но теряете полсекунды. И двигатель... — она поморщилась, — он перегревается не из-за нагрузки. У вас плохой отвод тепла в третьем цилиндре. Это не лечится чип-тюнингом, это лечится руками.

Берт стоял, не дыша. Он слышал это. Он чувствовал это на трассе. И вот сейчас кто-то назвал ему диагноз, даже не прикоснувшись к железу.

— Сколько? — спросил он.

— Что — сколько? — Арлин повернулась к нему.

— Сколько вам нужно, чтобы полностью перебрать машину? Денег. Времени. Условий.

— Я не торгуюсь на банкетах, мистер Стейси.

— Берт, — поправил он. — И я не предлагаю деньги. Я предлагаю работу. Настоящую. Не чинить развалюхи, которые привозят люди, которым плевать. Я предлагаю вам делать то, что у вас получается лучше всего. Он сделал шаг вперед.

— Я знаю, что у вас там. Долги. Банк. Этот Стивенс, который уже облизывается на вашу землю. Я всё узнал, прежде чем приехать. Я не идиот, который стучится в первую попавшуюся мастерскую. Я пришел к лучшей. И я не уйду, пока вы не скажете «да».

— Она скажет, — вдруг подал голос Макс. — Арлин, не будь душой. Мы там сдохнем.

— Макс! — рявкнула она.

— А я помолчу? — вдруг взорвался здоровяк. — Я два года молчал! Два года я смотрел, как ты в гроб себя кладёшь или на алтарь памяти отца! Отец бы тебя за ухо оттащил от этой мастерской и пинком отправил сюда! Ты это знаешь!

В ложе повисла тишина. Арлин смотрела на Макса, и её лицо менялось: от гнева к изумлению, от изумления к чему-то, что было похоже на боль, а потом — на что-то совсем другое.

— Мы не бросим мастерскую, — сказала она наконец, обращаясь к Берту. — Если я соглашусь, это не значит, что я закрою дверь перед Дейвом и Максом.

— Я и не предлагаю закрывать. — Берт кивнул в сторону паддока. — Мне нужна команда. Не один механик. Мне нужно, чтобы у меня было кому доверять. Если ваши ребята захотят работать со мной — они работают. Оплата — контрактная, без задержек. И да, — он усмехнулся, — медицинская страховка для Дейва входит в пакет.

Дейв присвистнул. Макс расплылся в улыбке.

Арлин стояла, переживая капитуляцию, которую ещё не объявила, но уже не могла скрыть. Она перевела взгляд на Берта. Его лицо было спокойным, без тени торжества. Он не праздновал победу. Он ждал. Ждал её решения.

— Это банкет, — сказала она вдруг, меняя тему. — Мы тут все в грязных ботинках.

— Это моё ложе, — пожал плечами Берт. — Могу принести стейки и сделать вид, что так и надо.

— Арлин, — Макс тронул её за плечо. — Ну давай. Ну останься. Посмотрим. Поедим нормально. Когда мы в последний раз нормально ели?

Она закрыла глаза. Вдохнула. Запах озона и старой резины остался там, на трибунах. Здесь пахло деньгами, уверенностью и новой жизнью.

— Ладно, — выдохнула она. — Остаемся. Но если кто-то из вас, — она обвела пальцем Макса и Дейва, — начнет рассказывать этим спонсорам про наш рекорд по замене двигателя за сорок минут, я лично прикручу вас к радиатору.

— Это было в пятьдесят минут, — обиженно поправил Дейв.

— Сорок семь, — одновременно сказали Арлин и Макс.

Берт рассмеялся. Впервые за последние полгода он смеялся по-настоящему.

Он протянул руку. На этот раз Арлин не стала демонстративно вытирать смазку. Её ладонь была чистой — она вытерла её о джинсы, прежде чем войти в ложе.

— Добро пожаловать в команду, Арлин, — сказал он.

— Посмотрим, — ответила она, пожимая его руку. — Посмотрим, как вы запоёте, когда я скажу, что вам придется переучивать хватку руля.

— Я пою плохо. Но ездить умею.

— На таком дерьме? — её бровь взлетела вверх.

— На таком дерьме, — подтвердил он. — Но с вами, надеюсь, дерьма больше не будет.

Арлин улыбнулась. Первый раз за два года. Улыбка вышла кривой, непривычной, но настоящей.

— Не будет, — пообещала она. — Я дерьмо не ремонтирую. Я делаю так, чтобы летало.

Шампанское и похмелье

Берт Стейси чувствовал себя так, будто только что выиграл не гонку, а джекпот в лотерею, о существовании которой даже не подозревал. Арлин Уэст, механик, о которой ходили легенды в узких кругах, стояла в его ложе, пила его воду и только что пообещала, что «дерьма больше не будет».

Он был на седьмом небе. И вел себя соответственно.

— Шампанское! — рявкнул он проходящему официанту с такой интонацией, будто тот был его личным адъютантом. — И немедленно. Всё, что у вас есть.

Официант, наученный опытом работы с VIP-гостями, молниеносно материализовал три бутылки «Кристалла» в ведерке со льдом. Берт схватил первую, сбросил проволоку, и пробка с глухим хлопком ушла в потолок. Белая пена хлынула через край, заливая его пальцы.

— За новую команду! — провозгласил он, не дожидаясь тостов.

— Берт, тут бокалы... — начала Элен, но было поздно.

Он сделал большой глоток прямо из горлышка, а остатки щедро плеснул на пол, как делают чемпионы на подиуме. Макс, наблюдавший за этим с раскрытым ртом, тут же потянулся ко второй бутылке.

— Дай сюда, — прогудел он, ловко орудуя пробкой. — Дейв, держи!

Дейв поймал бутылку, которую ему швырнули, и, несмотря на протез, удержал с удивительной ловкостью человека, привыкшего к неустойчивому равновесию.

— За то, чтобы колеса стали круглыми, — провозгласил он и сделал солидный глоток.

Арлин стояла в стороне, скрестив руки на груди, и наблюдала за этим вакхическим действием с выражением лица, которое идеально балансировало между «я здесь лишняя» и «я сейчас всех вас придушу».

— Ты чего не пьёшь? — Макс протянул ей бутылку.

— Я за рулём, — отрезала она.

— Мы в гостинице, — напомнил Дейв. — Комнаты нам уже забронировали, между прочим. Вон та милая леди с планшетом, — он кивнул в сторону Элен, — всё устроила. Люкс с видом на парковку.

— С видом на парковку? — переспросила Арлин. — Это вообще не люкс.

— Для нас — дворец, — философски заметил Макс, который уже прикончил треть бутылки и тянулся к следующей.

Арлин закатила глаза, но бутылку взяла. Сделала маленький глоток. Шампанское было дорогим — она чувствовала это даже по вкусу, который обычно презирала. Оно пахло деньгами. Теперь, когда она согласилась, это перестало быть чужими деньгами. Это стало её работой.

Она посмотрела на Берта. Он разливал шампанское в бокалы для подошедших спонсоров, смеялся, хлопал их по плечам, но она заметила: его левая рука движется чуть медленнее правой. И когда он поднимал бокал, плечо слегка опускалось — он берег его. После заезда. После того, как выжимал из капризной машины больше, чем она могла дать.

«Плечо, — отметила про себя Арлин. — Старая травма или перегрузка? Надо посмотреть».

Но сейчас она не собиралась лезть с профессиональной заботой. Сейчас она была гостьей на чужом празднике, и ей это категорически не нравилось.



Двери в ложе то и дело открывались, впуская новых людей. Кто-то заходил поздравить Берта, кто-то — просто поглазеть на легенду, которая вернулась. И каждый раз взгляды упирались в странную компанию, оккупировавшую угловой диван.

— Это кто? — услышала Арлин шёпот за спиной.

— Понятия не имею. Механики? Выглядит как бродячий цирк.

Она медленно повернула голову. Два парня в безупречных комбинезонах с логотипом одной из топ-команд стояли в дверях, не скрывая любопытства. Один из них — высокий, с модной стрижкой и планшетом в руках — разглядывал Макса с таким выражением, будто увидел инопланетянина.

— Это вообще законно? — хмыкнул второй, кивая на Дейва и его трость. — У них там протез вместо ноги, а он шампанское хлещет. Надеюсь, за руль не сядет.

Арлин почувствовала, как желваки заиграли на скулах. Она уже сделала шаг вперед, когда Дейв — старый хитрый лис — вдруг громко сказал, обращаясь к Макс, но так, чтобы слышали все:

— Слышь, Макс, а помнишь тот год, когда мы с отцом Арлин настроили «Феррари» для Ковальски? И он потом этих павлинов с планшетами на два круга обогнал? А они всё никак не могли понять, почему их электроника врёт.

— Помню, — Макс оскалился. — Они тогда три дня искали ошибку в софте. А ошибка была в том, что они руки забыли к железу приложить.

Парни с планшетами синхронно побледили. Один из них открыл рот, чтобы что-то ответить, но Арлин уже стояла перед ними. Она не повышала голоса. Она вообще смотрела на них так, будто они были деталью, которую нужно заменить.

— Вы что-то хотели? — спросила она тихо.

— Мы... э-э... просто...

— Просто смотрели, — закончил за него Берт, который появился рядом положив руку на плечо Арлин. — Насмотрелись?

Они исчезли быстрее, чем Арлин успела сделать второй глоток шампанского.

— Не надо, Арлин, — Берт заговорил мягче. — Они не стоят твоего времени.

— Они стоят меньше, чем резина на твоих колесах, — ответила она, стряхивая его руку.
— Но ты прав. Не надо.

Она отошла к окну, вцепившись пальцами в подоконник. За стеклом, в освещенных боксах, механики копошились вокруг машин. Её рука снова дернулась — настройка, регулировка, поправка. Она поймала себя на этом и зло убрала руку в карман.

«Надо курить, — подумала она. — Или бежать отсюда». К часу ночи ложе опустело. Спонсоры разъехались, официанты убрали опустевшие бутылки, и только в углу продолжалось негромкое, но оживленное застолье.

Макс сидел, откинувшись на спинку кресла, и рассказывал Дейву историю о том, как они однажды меняли двигатель под дождем, используя зонтик в качестве защиты для воздухозаборника. История была длинной, с множеством технических подробностей и нецензурных выражений. Дейв слушал с видом человека, который знает эту историю наизусть, но всё равно наслаждается каждой минутой.

Берт сидел рядом, подливая себе шампанское и иногда вставляя комментарии. Но Арлин видела: он пьет, чтобы заглушить боль. Каждые несколько минут он незаметно массировал левое плечо, и на лбу проступала легкая испарина.

— Выпей воды, — сказала она, подходя к нему.

— Я пью шампанское, — улыбнулся он. — Вода — для трезвых.

— Ты не пьяный. Ты просто глушишь боль, а это разные вещи.

Он посмотрел на неё внимательно. Поднял бокал, сделал ещё глоток и только потом, медленно, поставил его на стол.

— Старая травма, — сказал он негромко. — Разрыв вращательной манжеты. Было две операции. Третью делать не хочу, потому что после неё рука будет работать, но я потеряю чувствительность в кисти. А без чувствительности я не чувствую руль.

— И ты выходил на трассу с таким плечом? — Арлин не пыталась скрыть раздражение.
— Ты идиот?

— Возможно, — согласился он. — Но я выиграл.

— Ты выиграл, потому что другие ехали хуже. Если бы на трассе был кто-то высокого уровня, ты бы сдал на третьем круге от боли. Она развернулась, подошла к столу, взяла из ведерка последнюю бутылку — уже открытую и наполовину пустую — и плеснула шампанское в чистый бокал. Потом поднесла к его плечу.

— Что ты делаешь? — насторожился Берт.

— Смотрю, насколько всё серьезно. Подними руку. Медленно.

Он поднял. Левая рука пошла вверх, но на уровне плеча дрогнула.

— Больно?

— Терпимо.

— Врёшь, — констатировала Арлин. — Ладно. Плечо — потом. Сейчас пей воду, а не это, — она кивнула на шампанское. — Завтра утром я посмотрю твои медицинские карты и составлю программу восстановления. Если мы собираемся работать, ты должен быть в форме. Машина без пилота — железка. Но и пилот без машины — просто человек с травмой.

— Ты ещё и физиотерапевт? — усмехнулся Берт.

— Я механик, — ответила Арлин. — И я знаю, как работает тело, потому что знаю, как работают рычаги. Человеческое тело — это просто сложный механизм. И твой механизм, мистер Стейси, требует настройки.

Он посмотрел на неё долгим взглядом. Взял со стола бутылку воды. Открыл. Сделал глоток.

— Слушаюсь, босс, — сказал он, и в его голосе прозвучало что-то, похожее на благодарность.

Арлин не ответила. Она отошла к окну, оставив его с водой, и выглянула в темноту. Стадион затихал. В боксах погасли огни. Только редкие огни охраны мерцали в ночи. Она почувствовала, что больше не может здесь находиться. Шум, люди, шампанское, чужие взгляды — всё это давило.

— Элен, — она нашла секретаршу в углу, где та что-то набирала в телефоне. — Мне нужна машина. До гостиницы. Я... мне нужно выйти.

— Берт распорядился, чтобы вас отвезли, — Элен подняла голову. Её взгляд был профессионально-нейтральным, но в уголках глаз таилось любопытство. — Я вызову такси. Или...

— Такси подойдет, — перебила Арлин.

Она вышла в коридор, где пахло уже не шампанским, а дезинфекцией и дорогим ковролином. Прислонилась к стене. Закрыла глаза.

'Что я делаю? — спросила она себя. — Я согласилась. Я вляпалась.'

Но где-то глубоко внутри, под слоем усталости и раздражения, пульсировало другое чувство. Живое. Горячее. Ожидание работы. Настоящей работы. Той, где от её рук зависит не то, доедет ли чья-то развалюха до следующего ТО, а то, будет ли человек жив.

Она открыла глаза. В коридоре, в конце, маячила фигура. Берт вышел следом, держа в руке всё ту же бутылку воды.

— Арлин, — окликнул он.

— Что?

— Спасибо, что осталась.

— Я осталась из-за шампанского, — бросила она, но голос прозвучал мягче, чем она хотела.

— Нет, — он покачал головой. — Ты осталась, потому что не умеешь уходить, когда что-то сломано. Это редкий талант.

Она хотела ответить что-то резкое, но в этот момент из ложе вывалились Макс и Дейв. Макс поддерживал Дейва, который, несмотря на протез и возраст, умудрился сохранить достаточно равновесия, чтобы не падать, но достаточно шампанского в крови, чтобы петь.

— ...и колеса крутятся, крутятся, крутятся! — выводил Дейв басом.

— Господи, — простонала Арлин. — Вы двое...

— Мы двое — твоя команда, — торжественно объявил Макс. — И мы едем в гостиницу! Будем спать! Завтра работать!

— Завтра контракт подписывать, — напомнила Арлин.

— Контракт! — рявкнул Дейв. — Слышишь, Берт? Она согласна! Мы в деле!

Берт улыбнулся. Широко, искренне, с той улыбкой, которая делала его похожим не на гонщика-легенду, а на мальчишку, которому подарили новую игрушку.

— В деле, — подтвердил он. — Завтра в девять утра. Я пришлю машину.

— Сами доедем, — отрезала Арлин, хватая Макса за локоть. — Пошли. Быстро.

Она утащила их в лифт, чувствуя спиной взгляд Берта. Лифт закрылся, и она выдохнула.

— Ты чего такая злая? — спросил Макс, икнув.

— Я не злая. Я... — она замялась. — Я просто хочу спать. И чтобы завтра никто не ныл.

— Я не буду ныть, — пообещал Дейв. — Я буду работать. Как в старые времена.

— В старые времена ты не пил шампанское в вип-ложе, — заметила Арлин.

— И это было ошибкой, — философски заключил Дейв. Утро наступило рано. Слишком рано. Солнце лезло в окна гостиничного номера, который действительно оказался люксом — с двумя спальнями и гостиной, где на диване спал Макс, раскинувшись так, что занимал всё пространство.

— Подъем! — Арлин распахнула шторы. Макс застонал, накрывая голову подушкой.

— Арлин, пять минут...

— У нас встреча через час. Вставай. Дейв, к её удивлению, уже был на ногах. Сидел на кухне, пил кофе из маленькой кофемашины и выглядел на удивление бодрым.

— Ты как? — спросила Арлин.

— Жив, — кратко ответил он. — В отличие от некоторых, я знаю меру.

— Ты пел про колеса на всё ложе.

— Это была не песня. Это был гимн, — поправил Дейв.

Арлин вздохнула. Быстро привела себя в порядок — душ, джинсы, футболка. Кожаную куртку она надевать не стала: в боксах будет жарко.

Когда они вышли из гостиницы, машина уже ждала. Черный внедорожник с тонированными стёклами. Водитель, молодой парень в строгом костюме, открыл дверь.

— Мистер Стейси просил передать, что ждёт вас в боксах, — сказал он.

— Мы сказали, что сами доедем, — буркнула Арлин.

— Мистер Стейси сказал, что вы скажете именно это. И велел ответить: «Знаю. Но это быстрее».

Макс хмыкнул и полез в машину. Дейв последовал за ним. Арлин постояла секунду, глядя на тонированные стёкла, в которых отражалось утреннее небо, и тоже села.

— Поехали, — бросила она водителю. Боксы встретили их запахом масла и металла. Здесь пахло правильно. Арлин вдохнула полной грудью и почувствовала, как напряжение, накопленное за вечер, начинает отпускать.

Берт стоял у машины под номером двадцать три. На нём была простая футболка и потертые джинсы — без намека на вчерашний шик. Его волосы были влажными после душа, и он жевал жвачку, но Арлин, подойдя ближе, заметила легкие тени под глазами и едва уловимый запах перегара, который жвачка маскировала, но не побеждала.

«Пил после того, как я ушла, — поняла она. — Дурак».

— Доброе утро, — Берт улыбнулся, и улыбка была чуть виноватой. — Выглядите отлично.

— А вы — не очень, — честно ответила Арлин. — Похмелье?

— Немного, — он поморщился. — Но я в порядке. Жвачка помогает.

— Жвачка маскирует запах, но не возвращает мозги на место, — парировала она. — Ладно. Показывайте ваше дерьмо. Берт кивнул на машину. Арлин обошла её, касаясь пальцами кузова, заглядывая в каждую щель.

— Кевин! — Берт окликнул своего гоночного инженера. — Принеси контракты.

Кевин, тот самый прыщавый парень с планшетом, появился из-за стеллажа с видом побитой собаки. Он протянул папку Арлин, но смотрел на Берта.

— Ты уверен? — спросил он тихо, но Арлин услышала. — Они даже форму не носят. У них...

— У них есть то, чего нет у тебя, — перебил Берт жестко. — Руки. Контракт на столе, Кевин.

Арлин раскрыла папку. Пробежала глазами цифры. Сумма была... щедрой. Более чем. Она подняла бровь.

— Вы уверены, мистер Стейси? — спросила она, подчеркивая официальное обращение. — Это дорого.

— Берт, — поправил он. — И да. Это дешево, если вы сделаете то, что обещали.

— Я ничего не обещала. Я сказала «посмотрим».

— Вот и смотрите.

Она взяла ручку, которую протянул Кевин. Макс и Дейв стояли за её спиной, не дыша. Она подписала. Быстро, без лишних раздумий. Потом передала ручку Макс, а Дейву кивнула на папку.

— Ваши подписи там, внизу.

— Мы тоже? — удивился Дейв.

— Вы тоже, — Арлин повернулась к Берту. — Я сказала: команда. Команда — это не я одна. Это мы все.

Берт кивнул, пряча улыбку. Макс расписался с торжественным видом человека, который только что выиграл в лотерею. Дейв — аккуратно, старательно выводя буквы.

— Ну что, — Арлин подошла к машине, положила руку на капот, чувствуя, как он ещё хранит остаточное тепло. — Показывайте, что тут у вас. И принесите мне кофе. Черный. Без сахара.

— Слушаюсь, — Берт кивнул Кевину.

— И вам, — Арлин посмотрела на Берта. — Воду. Много воды. И лёд на плечо. Потом поговорим.

— Вы тут командуете? — в его голосе не было обиды, только интерес.

— Я тут механик, — ответила Арлин, открывая капот и погружаясь в знакомый мир двигателей, проводов и возможностей.

— А механик всегда командует. Особенно когда пилот ведет себя как идиот.

Макс и Дейв переглянулись. И улыбнулись. Они были дома...

Первый день на работе

На следующий день бокс встретил новую команду тишиной. Не той пустой тишиной заброшенной мастерской, где эхо разносит каждый удар молотка, а напряженной, с затаенным дыханием. Здесь знали: пришла новая власть.

Арлин вошла первой. За ней — Макс, сжимавший в руке выдавший виды ящик с инструментами, и Дейв, чья трость отбивала ритм.

Кевин стоял у машины под номером двадцать три. Рядом с ним переминались с ноги на ногу трое механиков в безупречных комбинезонах с логотипом команды. Их руки были чисты. Слишком чисты. Арлин отметила это сразу.

— Доброе утро, — сказала она, не глядя на Кевина, а окидывая взглядом стеллажи с запчастями, порядок раскладки инструментов, расположение освещения. Всё было... стерильно. И неправильно.

— Доброе, — Кевин сделал шаг вперед, заслоняя собой двигатель. — Мистер Стейси сказал, что вы будете... консультировать. Мы подготовили всю документацию, данные телеметрии за последние три гонки, спецификации...

— Документацию, — повторила Арлин, беря из его рук планшет.

Она пролистала графики, таблицы, диаграммы. Всё было красиво. Всё было безупречно. И всё было бесполезно.

— Вы что, не выезжали на трек с этими настройками? — спросила она, поднимая глаза. Кевин моргнул.

— Мы... мы симулировали. У нас есть программный комплекс, который позволяет...

— Он позволяет вам сидеть в тепле и пить кофе, — перебила Арлин. — Асфальт не симуляция. Температура покрытия, микронеровности, ветер — ваш комплекс это не чувствует.

Она вернула планшет, подошла к машине и, не спрашивая разрешения, открыла капот.



В боксе стало тихо. Даже вентиляция, казалось, притихла.

Арлин наклонилась. Ее пальцы скользнули по патрубкам, проводам, креплениям. Она не пользовалась фонариком — она чувствовала. Через секунду её лицо исказила гримаса, похожая на боль.

— Господи, — выдохнула она.

— Что? — Кевин дернулся. — Что там?

— Тут всё, — Арлин выпрямилась, обернулась к Макс и Дейву. — Ребята, идите сюда. Вам это понравится.

Макс подошел, заглянул под капот и присвистнул.

— Это они серьезно? — спросил он, обращаясь к Кевину, но глядя на Арлин. — Они так и собрали?

— Мы собрали по спецификации! — Кевин повысил голос, чувствуя, как почва уходит из-под ног. — Все допуски соблюдены, все параметры...

— Все параметры, — Дейв подошел с другой стороны, опираясь на трость, и заглянул в двигательный отсек. — А ты, сынок, параметры головой проверял? Или планшет за тебя думал?

— Послушайте, — Кевин сделал шаг назад, наткнулся на своих механиков, которые молчали, как мыши. — Я инженер. Я учился в университете. Я работал с топ-командами...

— И ничему не научился, — закончила за него Арлин. — Подойди сюда. Смотри. Она ткнула пальцем в глубину моторного отсека. Кевин нехотя приблизился.

— Видишь? — спросила она.

— Что именно? — он вглядывался, но, судя по его лицу, видел только кучу железа.

— Воздухозаборник, — подсказал Макс. — Ты его теплозащитой перекрыл.

— Это заводская защита...

— Это заводская защита для двигателя, который стоит на гражданской машине, — перебил Дейв. — А у тебя здесь турбина. Она греется, да. Но воздух ей нужен, как рыбе вода. А ты его задумил.

Арлин выпрямилась, вытерла руки о джинсы.

— Кевин, сколько времени вы потратили на симуляцию, пытаясь подобрать углы опережения зажигания?

— Две недели, — буркнул он.

— Две недели, — повторила Арлин. — А проблема в том, что двигатель задыхался. Не из-за углов. Из-за того, что вы перекрыли ему кислород. Физически. Понимаешь? Кевин молчал. Его лицо медленно меняло цвет от бледного к красному. Механики за его спиной переглядывались.

— Ладно, — сказала Арлин. — Давайте разбирать. Она подкатила тележку с инструментами, выбрала ключ, и через минуту её руки уже были по локоть в двигателе. Макс, не дожидаясь команды, встал с другой стороны. Дейв опустился на низкий табурет, который кто-то предусмотрительно принес, и начал комментировать.

— Смотрите, пацаны, — обратился он к молодым механикам, которые топтались в нерешительности. — Видите эту проводку? Она аккуратная, да. Красивая. Но она длинная. Каждый лишний сантиметр провода — это лишнее сопротивление. И лишний вес. А в гонках, — он поднял палец, — лишний вес — это грех.

Один из механиков, рыжий парень с веснушками, сделал шаг вперёд.

— Но мы использовали экранированные провода, как в спецификации...

— В спецификации, — Дейв усмехнулся. — Ты на трек выходил когда-нибудь? Не на симулятор, а на реальный трек?

— Ну... нет, — парень опустил глаза.

— А зря, — Дейв взял в руки один из снятых патрубков. — Вот это, например. Толщина стенки — три миллиметра. Для гражданской машины — ок. Для гонки — перебор. Легче, проще, надежнее — два миллиметра, но другой состав резины. Кто-нибудь из вас держал в руках такой?

Молчание.

— Я держал, — сказал Дейв. — И менял на трек за сорок секунд. Потому что знал, где и что откручивается, не глядя.

Арлин, не поднимая головы, протянула руку.

— Дейв, дай мне торкс на десять.

— Держи.

— Макс, ослабь хомуты на третьем.

— Сделаю.

Они работали молча, быстро, без лишних слов. Каждое движение было отточено годами совместной работы. Они не смотрели друг на друга — они чувствовали. Кевин стоял в стороне, сжимая планшет. Его механики потихоньку подбирались ближе, заглядывая через плечо Арлин. Рыжий первым не выдержал:

— А почему вы снимаете весь впускной коллектор? Проблема же в теплозащите...

— Потому что, — Арлин выпрямилась, вытирая пот со лба тыльной стороной ладони, — если ты нашел одну ошибку, это не значит, что других нет. Впускной коллектор — это сердце. Если оно болело, то вокруг него всё болит. Мы посмотрим всё. Каждый сантиметр.

Она повернулась к Кевину.

— Ты говоришь, у тебя есть телеметрия. Покажи мне данные по давлению топлива на последнем круге.

Кевин, который уже приготовился к очередной порции критики, растерянно моргнул.

— Что?

— Давление топлива, — повторила Арлин. — Я хочу посмотреть график. Не симуляцию, а реальные данные с трека. Они у тебя есть?

— Да, конечно, — он ожил, подошел, пальцы забегали по планшету. — Вот, смотрите. Второй круг, прямая, давление в норме. На третьем круге небольшой провал...

— Небольшой? — Арлин взяла планшет, приблизила график. — Это не провал. Это падение на семь процентов. На пиковой нагрузке. Ты видел это?

— Я... я думал, это помехи...

— Это не помехи, — она вернула планшет. — Это проблема с форсункой на третьем цилиндре. Я её искала, когда говорила про перегрев. Они связаны. Ты смотрел форсунки?

Кевин молчал.

— Мы их проверяли на стенде, — неуверенно сказал рыжий. — Все параметры были в норме.

— На холодном стенде, — кивнула Арлин. — А в боевом режиме, на прогревом двигателя, под нагрузкой — проверяли?

Молчание стало ответом.

Арлин вздохнула. Но не раздраженно, а скорее устало, как учитель, который в сотый раз объясняет прописную истину.

— Ладно, — сказала она. — Кевин, у тебя есть возможность снять осциллограмму работы форсунок в реальном времени? Не на стенде, а здесь, на прогревом двигателе?

— Я... да, — Кевин оживился. — У нас есть оборудование. Я могу подключиться.

— Подключайся, — Арлин кивнула. — И давай вместе посмотрим. Ты в электронике разбираешься лучше меня. Мне нужно, чтобы ты сказал, где именно происходит сбой. А я скажу, что с этим делать.

Кевин замер. На его лице отразилась сложная гамма чувств: от недоверия до робкой надежды.

— Вы... вы хотите, чтобы я...

— Я хочу, чтобы мы нашли проблему, — перебила Арлин. — Вместе. Ты умный парень, Кевин. Ты просто не знаешь того, чему тебя не учили. А я знаю. Но я не умею читать твои графики так, как умеешь ты. Поэтому давай работать.

Она протянула руку. Кевин посмотрел на её ладонь — испачканную в масле, с коротко стриженными ногтями, с мозолями на пальцах — и вдруг пожал. Крепко, как равный равному.

— Хорошо, — сказал он. — Давайте. В дальнем углу бокса, за стеллажом с запчастями, Берт Стейси стоял, прислонившись к стене, и наблюдал.

Он пришел сюда за час до начала, чтобы посмотреть, как Арлин войдет. Хотел быть рядом на случай, если Кевин начнет устраивать сцены. Но вмешиваться не пришлось.

Он смотрел, как она без единого слова взяла власть в свои руки. Как её пальцы ожили, как будто двигатель был продолжением её тела. Как Макс и Дейв встали по бокам, создавая невидимый щит от любого сомнения. Как она не унизила Кевина, а нашла ему место — нужное, важное, где его знаниягодились.

«Чудо», — подумал Берт, глядя на подписанный контракт, который лежал в его руке. Лист бумаги. Имя Арлин Уэст внизу. Самый дорогой документ в его жизни.

Он вспомнил, как приехал в её мастерскую. Запах отчаяния, который она пыталась перебить маслом и железом. Цифры в конверте из банка, которые она читала с лицом человека, привыкшего к пощечинам. И её спину — прямую, напряжённую, отказывающуюся ломаться.

Он знал, что она не просит помощи. Никогда не попросит. Поэтому он сделал то, что должен был, ещё до того, как она приехала на стадион.

Вечером, после победы, пока Арлин с Максом и Дейвом пили шампанское в его ложе, его адвокат уже разговаривал с банком. Не выкупать долг целиком — это было бы оскорблением. Она бы не приняла. Но погасить часть, сбить проценты, договориться о реструктуризации так, чтобы звонки коллекторов перестали рвать её телефон на части...

Он сделал это не из благотворительности. Он сделал это, потому что механик, который думает о долгах, не может думать о двигателе. А ему нужен был механик, который думает только о двигателе.

Спонсоры, когда узнают, что он нанял «гаражную команду» и заплатил долги какой-то мастерской, будут в ужасе. Берт знал их. Они увидят грязные комбинезоны, услышат неформальную речь, увидят Дейва с его тростью и Макса, который выглядит так, будто только что сошел с грузовика. И будут крутить пальцем у виска.

Но после следующей победы они будут смеяться. Не над ним. Вместе с ним.

Он убрал контракт во внутренний карман. Арлин и Кевин уже склонились над планшетом, что-то обсуждая. Макс, прихватив с собой рыжего механика, что-то показывал ему в двигателе. Дейв, сидя на табурете, рассказывал двум молодым парням историю, которая, судя по жестам, заканчивалась чем-то взрывоопасным.

Берт улыбнулся и бесшумно вышел из бокса. Его ждали дела. Банк, адвокат, несколько звонков спонсорам, которые нужно было подготовить к новости о новом главном механике. Но он знал, что всё это — суета. Главное сейчас происходило здесь, в боксе, где старые руки и молодые умы начинали превращать кучу железа в то, что снова сможет летать.

Он вышел на улицу, достал телефон. Набрал номер.

— Алло, это Стейси. По поводу счета Уэст... Да, я подтверждаю. Сегодня же. И пожалуйста, без лишней огласки. Пусть для неё это выглядит как стандартная процедура банка. Да, спасибо.

Он убрал телефон. Солнце уже поднялось выше, заливая бетонные плиты парковки теплым светом.

«У тебя есть три недели, Арлин, — подумал он, глядя на закрытые ворота бокса. — Три недели, чтобы сделать невозможное. А у меня есть три недели, чтобы сделать так, чтобы ничто тебе не мешало».

Он не ждал благодарности. Он даже не был уверен, что она когда-нибудь узнает. Но это было не важно.

Важно было то, что через три недели он сядет в машину, которая будет дышать, слушаться и лететь. И впервые за три года он сядет в неё без страха. В боксе Арлин не заметила ухода Берта. Она была слишком погружена в работу.

— Вот, — Кевин протянул ей планшет, на экране которого плясали разноцветные линии. — Смотри. На третьем цилиндре время открытия форсунки плавает. Не сильно, но на предельных оборотах это даёт тот самый провал.

Арлин взглядела в графики. Она не любила электронику — предпочитала доверять своим рукам и ушам. Но сейчас, глядя на данные, которые Кевин разложил перед ней как на ладони, она начинала понимать: это не враг. Это инструмент. Просто раньше у неё не было человека, который умел бы им пользоваться.

— Форсунку заменить? — спросил рыжий механик, который, кажется, уже успел забыть, что его зовут не иначе как «эй, ты».

— Нет, — Арлин покачала головой. — Форсунка в порядке. Проблема в проводке или в блоке управления. Кевин, можешь проверить цепь?

— Уже, — он улыбнулся, и впервые его улыбка не была натянутой. — Сопротивление в норме. Значит, блок. Я закажу новый, но это неделя.

— Неделя — это много, — Арлин задумалась. — А старый перепрошить можно?

— Можно, но...

— Но ты не уверен в прошивке, — закончила она. — Ладно. Делай, как считаешь нужным. Я доверяю.

Кевин поднял голову. Посмотрел на неё долгим взглядом.

— Вы правда доверяете?

— Я правда не разбираюсь в прошивках, — честно ответила Арлин. — А ты разбираешься. Значит, это твоя зона ответственности. Моя — железо. Твоя — мозги. Если мы будем мешать друг другу, ничего не получится. Если будем работать вместе — через три недели этот болид полетит так, что у конкурентов отвиснут челюсти.

Она протянула руку. На этот раз — не для рукопожатия, а для планшета.

— Показывай, что там ещё у тебя есть по телеметрии. Я хочу посмотреть работу подвески на третьем повороте. Дейв говорил, что у вас там была проблема?

— Да, — Кевин снова ожил, пальцы забегали по экрану. — Вот, смотрите. На входе в поворот машина переключается слишком медленно, а на выходе...

— На выходе она плывет, — подхватила Арлин. — Я видела. Это геометрия передней оси. Мы её пересчитаем. Макс, ты слышишь?

— Слышу, — прогудел Макс, не поднимая головы от двигателя. — Я уже снял старые сайлентблоки. Они резиновые, дубовые. Надо полиуретан.

— Закажем, — кивнула Арлин. — Кевин, у тебя есть связи с поставщиками?

— Есть, — он уже открывал на планшете каталог. — Какой нужен?

— Жесткость на сдвиг — сто двадцать, на сжатие — двести пятьдесят, — Арлин назвала цифры так же легко, как другие называют свой возраст. Кевин записал.

— Сделаю.

Они работали. Впервые без напряжения, без деления на «своих» и «чужих». Просто люди, которые умели делать разное, но хотели одного: чтобы машина под номером двадцать три снова стала быстрой.

Макс и Дейв, закончив с двигателем, переключились на подвеску. Рыжий механик, которого звали Том, уже не ждал указаний — он сам подходил, спрашивал, предлагал. Двое других, Стив и Майк, разбирали тормозную систему под пристальным взглядом Дейва, который комментировал каждый снятый узел:

— Тормозные диски, пацаны, это не просто железки. Это ваша жизнь. Если пилот нажал на педаль, а машина не остановилась — это не пилот дурак. Это вы дураки. Потому что вы не проверили. Каждую трещинку, каждую царапину, каждый миллиметр износа. Поняли?

— Поняли, — ответили Стив и Майк хором, как первоклассники.

Арлин, услышав это, улыбнулась. Не заметно для других, уголком губ. Дейв всё ещё мог учить. И они всё ещё могли учиться. К середине дня двигатель был полностью разобран. Детали лежали на верстаке аккуратными рядами — Арлин любила порядок, даже в хаосе.

— Что думаешь? — спросил Макс, вытирая руки ветошью.

— Думаю, мы справимся, — ответила Арлин. — Если Кевин сделает свою часть.

— Сделаю, — раздалось у неё за спиной. Кевин стоял с новым блоком управления в руках — курьер привез его через три часа после заказа. — Я уже скопировал старые настройки. Завтра утром будет готово.

— Завтра? — Арлин подняла бровь. — Ты говорил, неделя.

— Я говорил, что новый блок — неделя, — Кевин пожал плечами. — Но нашёлся на складе. Повезло.

Арлин посмотрела на него внимательно. Повезло. В мире гонок везение — это обычно чьи-то хорошо налаженные связи. Она не стала спрашивать. Просто кивнула.

— Тогда завтра собираем. Сегодня всё, что можно, подготовим.

Она оглядела бокс. Макс уже наводил порядок на своем участке. Дейв, сидя на табурете, объяснял Тому, как правильно выбирать сайлентблоки для разных типов покрытия. Стив и Майк мыли тормозные суппорты в специальном растворе, пахнущем так, что даже привыкший ко всему нос Арлин сморщился.

— Как тут у вас? — раздался голос у входа. Арлин обернулась. Берт стоял в дверях, держа в руках большой пакет. На нем была всё та же простая футболка и джинсы, но выглядел он отдохнувшим.

— Нормально, — ответила Арлин. — Вы где пропадали?

— Дела, — уклончиво ответил Берт. — Принес поесть. Вы, наверное, с утра ничего не ели.

Он выложил из пакета контейнеры. Горячая еда — мясо, рис, овощи. Арлин почувствовала, как желудок предательски заурчал.

— Спасибо, — сказала она, беря один из контейнеров.

— Не за что, — Берт опустился на свободный стул, наблюдая, как механики — и старые, и новые — собираются вокруг импровизированного стола. — Как успехи?

— Двигатель разобрали, — доложил Макс с полным ртом. — Завтра начинаем собирать.

— Кевин перепрошивает блок, — добавила Арлин. — Если всё пойдет по плану, через три дня запускаем.

— Через три дня? — Берт поднял бровь. — Это быстро.

— Это не быстро, это нормально, — поправила Арлин. — Просто раньше вы работали не с теми людьми.

Она сказала это спокойно, без вызова. Просто констатировала факт. Кевин, который сидел рядом и ковырялся в своем салате, поднял голову, но ничего не сказал. Потому что она была права.

Берт посмотрел на Арлин. На её руки, испачканные маслом, которые всё равно держали вилку аккуратно, почти изящно. На её лицо, сосредоточенное, но спокойное. На её команду, которая уже вписалась в его бокс так, будто работала здесь всегда.

«Сделал, — подумал он. — Уговорил. Нашёл. Она здесь».

Вслух он сказал только:

— Я в вас не сомневался.

Арлин подняла глаза.

— Врёте, — сказала она, но без злости.

— Немного, — признался Берт. — Но теперь — нет.

Она хотела ответить, но в этот момент телефон Дейва заиграл бодрый марш, и старый механик, чертыхаясь, полез в карман.

— Алло? — сказал он в трубку, и вдруг его лицо изменилось. — Что? Да, она здесь. А кто это? Банк? Одну секунду.

Он протянул телефон Арлин.

— Там банк. Что-то про проценты и реструктуризацию. Говорят, всё решено, только подтвердить.

Арлин взяла трубку. Слушала. Её лицо, только что расслабленное, застыло. Потом медленно изменилось — от удивления к недоверию, от недоверия к чему-то, что было похоже на... облегчение.

— Да, — сказала она в трубку. — Да, подтверждаю. Спасибо.

Она нажала отбой, посмотрела на телефон, потом на Дейва, потом на Макса. Потом медленно перевела взгляд на Берта, который сидел с самым невинным лицом в мире, ковыряя вилкой в контейнере.

— Ты, — сказала она.

— Что я? — спросил Берт, не поднимая глаз.

— Это ты.

— Я вообще не понимаю, о чём ты.

— Берт, — голос Арлин был тихим, но в нем звучала сталь, которую он уже знал. — Посмотри на меня.

Он поднял глаза. Их взгляды встретились.

— Это ты сделал, — сказала она не вопросом, а утверждением.

— Я сделал так, чтобы мой главный механик думал о моей машине, а не о звонках из банка, — ответил он спокойно. — Это бизнес, Арлин. Не благотворительность. Я вложил в тебя деньги. Я хочу, чтобы эти деньги окупились.

Она смотрела на него долго. Так долго, что Макс и Дейв перестали жевать, а Кевин с механиками замерли, чувствуя напряжение.

— Ладно, — сказала она наконец. — Бизнес, так бизнес.

Она вернулась к еде. Но Берт заметил: её руки чуть дрожали. И когда она снова подняла глаза, в них было что-то, чего он не видел раньше.

Не благодарность. Арлин Уэст не умела благодарить. Это было что-то другое. Что-то, что делало её взгляд мягче, а губы — чуть приоткрытыми, будто она хотела что-то сказать, но не находила слов.

Берт не стал ждать. Он просто улыбнулся и сказал:

— До завтра, Арлин.

— До завтра, — ответила она.

И, кажется, впервые за долгое время, её голос прозвучал не как приказ и не как защита. Он прозвучал как обещание.

Ожившее железо

Три дня. Семьдесят два часа. Четыре тысячи триста двадцать минут. Арлин не считала. Но её тело знало.

Она спала в боксе. На старом кожаном диване, который кто-то притащил из комнаты отдыха. Спала урывками, по два-три часа, просыпаясь от того, что во сне её пальцы продолжали затягивать воображаемые гайки. Макс приносил кофе из автомата в конце коридора — чёрный, горький, который она пила не чувствуя вкуса. Дейв молча подкладывал бутерброды, которые она забывала есть. Кевин жил в своей каморке с компьютерами. Он выходил оттуда с красными глазами и трясущимися руками, пил энергетики, снова уходил. Рыжий Том, Стив и Майк работали посменно — кто-то всегда был рядом, подавал инструмент, держал, крутил, спрашивал.

Берт появлялся два раза в день. Утром — с новым пакетом еды и коротким «как дела?». Вечером — с вопросом «что нужно?». Арлин отвечала односложно, не поднимая головы. Она не была грубой — она просто была внутри. Внутри двигателя, внутри подвески, внутри тысяч мелких решений, которые нужно было принять до того, как стальной зверь откроет глаза.

Сегодня этот день настал.

— Всё, — сказала Арлин, выпрямляясь и отбрасывая ветошь. — Закрываем капот. Её голос прозвучал в тишине бокса как выстрел.

Макс, который дремал на стуле, вздрогнул. Дейв отложил свой вечный секундомер. Кевин высунулся из своей каморки, зажмуриваясь от яркого света. Том, Стив и Майк, которые втроём настраивали что-то в подвеске, замерли.

— Всё? — переспросил Макс, не веря.

— Всё, — Арлин обошла машину, проверяя, всё ли на месте. — Залито, подключено, затянуто. Можно запускать.

Она сказала это спокойно, будто речь шла о том, чтобы заварить кофе. Но Макс, который знал её двадцать лет, услышал в её голосе то, что другие не слышали бы: напряжение. Арлин никогда не показывала страха. Но он был. Всегда. Перед первым запуском.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.